

К ИСТОРИИ И > Ы В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ ПОСЛЕ ТВЕРДОГО ПРЕДЛОЖНОГО И ПРЕФИКСАЛЬНОГО СОГЛАСНОГО И В ДРУГИХ СХОДНЫХ СЛУЧАЯХ

Н. Д. РУСИНОВ

Вполне установлено, что после утраты ѣ состоявший перед ним твердый согласный в конце приставки и предлога, а также в конце знаменательного слова (если оно произносилось не перед паузой) стал в древнерусском языке оказывать ассимилятивное воздействие на следовавший за ним и и превращал его в ы:

а) Ранние случаи этой замены обнаруживаются уже в памятниках XIII в.: в ыную землю (смол. гр. ок. 1230 г.) и др.¹

б) В дальнейшем подобные написания становятся многочисленными: с Ываном (новот. куп. 1380—1414 гг., АСЕИ-2), из ыного (гр. рад. кн. Андрея, 1411 г., там же-29), в ыгуменова (гр. моск. в. кн. Василия I, 1425—27 гг., там же-47), в Ыячовском езу² (гр. шех. кн. Аграфены, 1432—45., там же-102), без ысправы (гр. моск. в. кн. Василия II, 1455—62 гг., там же-246), в ызмену (гр. твер. в. кн. Бориса, 1499 г., ДДГ-54), с ызумруты (гр. угл. кн. Димитрия Жилки, 1521 г., там же-99), с ых крестьянскими животы (угл. кр. кн., 1705 г., УА, ф. 75, оп. 1, ед. 4, л. 94 об.) и др.

в) В современном русском произношении ы на месте и в указанных позициях почти повсеместная норма: сыграл, подымай, разыграешь, от ымени, над ых домом, лес ы поле, стал ыскать и т. д.

Совершенно ясно, что здесь замена и > ы представляла собою необычную для древнерусского языка прогрессивную аккомодацию звуков, т. к. для речи восточных славян в прошлом были свойственны главным образом регрессивные аккомодации. Это заставляет предполагать, что названный процесс и > ы возник благодаря иноязычному влиянию со стороны тюрков и угро-финнов, которым были присущи как раз преимущественно прогрессивные аккомодации и которые еще до падения древнерусских редуцированных оказались в тесном контакте с восточными славянами³. Но, в таком случае, возникает во-

¹ В. И. Борковский и П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, АН СССР, 1963, стр. 126.

² Здесь и далее факты из памятников письменности приводятся с некоторым упрощением графики. В частности, «ять» и малый «юс» передаются соответственно как е и я.

³ Тезисы докладов II-й региональной научной сессии (секция филологии), Горький, 1965, стр. 74—80.

прос, сразу ли без всяких отступлений звук *и* после твердого согласного стал переходить в *ы*, или же было возможно и сохранение *и* с регрессивным смягчением предшествующего согласного.

В предлагаемой заметке сообщаются результаты попыток ее автора найти ответ на поставленный вопрос и тем самым осветить некоторые еще не изученные⁴ подробности превращения *и* > *ы* после приставок и предлогов и в иных аналогичных позициях.

*

*

Прежде всего надо заметить, что есть говоры русского языка, в которых конечное *и* сохраняется после приставочных *з*, *т* и реже, *б* и смягчает их по нормам регрессивной ассимиляции, тогда как в остальных подобных случаях изменяется в *ы*. Таковы, в частности, говоры севера Угличского Верхневолжья. Здесь старики произносят:

а) После приставочных *б*, *з*, *т*: *от'имат'* (с. Рождествено: «отнимать»), *вз'имок* (там же) «взымок» («охапка льна, поднятого со станица»), *вз'имат'* (там же) «взывать», *от'ималка* (д. Ушаково) «отнималка» («кухонная тряпка»), *об'имал'ис* (там же) «обнимались» и т. п.

б) В остальных случаях: *от ых* (с. Рождествено) «от них», *об Иван'с* (там же) «об Иване», *подв'ол ыток* (там же) «подвел итог», *подымат'* (там же) «поднимать», *над ызбой* (там же) «над избой, к *Ыл'йе* (д. Ушаково) «к Илье» и т. п.⁵

Правда, возможно, что сохранение *и* после приставок *об-*, *от-*, и *вз-* в данных говорах объясняется тем, что эти приставки без конечного *ъ* или *ь* (как *об-*, *от-*, *вз-*) звучали здесь и до падения редуцированных⁶ и подверглись регрессивной палатализации со стороны *и* еще тогда, когда прогрессивная аккомодация на стыке приставки с последующим *и* не начала развиваться.

Однако в говоре дер. Татинец Работкинского района Горьковской обл. можно в анализируемых позициях услышать *и* не только после конечных приставочных *б*, *з*, *т* (правда, тоже лишь в произношении стариков и не всегда):

а) *И* после приставок и предлогов на *б*, *з*, *т*: *ут'имат'* «отимать», *б'ез'им'а* «без имя» (т. е. «без имени»), *уб' Иван'ь* «об Иване» и т. п.

б) *И* после приставок и предлогов не на *б*, *з*, *т*: *в' искр'х* «в искрах», *с'имат'* «снимать», *п'д' избой* «под избой», *к' иголк'ь* «к иголке», *с' изв'ест'й'эм* «с известием», *в истом'ь* «в истоме» и т. п.

в) в других сходных случаях: *так' и г'овор'ат* «так и говорят», *вот' и фс'о* «вот и все», *нарот' ид'от* «народ идет», *баран' издох* «баран издох», *глух' и нем* «глух и нем», *ф пух' и прах* «в пух и прах» и др.

Подобное (как в дер. Татинец) произношение, особенно после приставок и

⁴ П. Я. Черных, Историческая грамматика русского языка, 1962, стр. 114.

⁵ Здесь и далее диалектные факты приводятся по личным наблюдениям автора заметки.

⁶ Известно, что приставки *об-*, *от-* и приставки на *з* широко употреблялись без *ъ* после *б*, *з*, *т* и до падения редуцированных (см.: А. М. Селищев, Старославянский язык, ч. I, 1951, стр. 158).

предлогов, есть и в ряде других говоров и в некоторых случаях даже признается за литературную норму (хотя ею и не является)⁷.

В свете этих диалектных фактов современного русского языка получают объяснение и факты написания *ь* после предлогов *в*, *к*, без перед следующим и притяжательной формы *их* в некоторых из тех древнерусских памятников письменности, в которых *ъ* и *ь* не смешиваются и в которых могут даже иметь место написания *ы* вместо *и* в исследуемых случаях. Например:

а) *ся въ их человека не вступают при из ыных, къ сотским, къ их людям, вине* (гр. моск. в. кн. Василия II, 1447 г., АСЭИ-192);

б) *выведет въ их села при въ слободах, техъ их крестьян* (гр. моск. в. кн. Ивана III, ок. 1467—74 гг., АСЭИ-359)⁸;

в) *къ их крестьяном* (дважды, гр. моск. в. кн. Ивана III, 1485 г., АСЭИ-516);

г) *безъ их докладу и въ их лесы* (гр. моск. в. кн. Ивана III, 1490 г., АСЭИ-548);

д) *къ их столцу не тянут и къ их... столцу не тянем при въ всех* (костр. суд. сп. на землю Оглоблино, 1495—99 гг., АСЭИ-587).

Эти факты, очевидно, надо объяснять как отражение борьбы регрессивной и прогрессивной тенденций приспособления звуков на стыке предлога и следующего слова, начинающегося с *и*, как победу регрессивной тенденции в некоторых случаях.

Еще более показательны в этом отношении написания *и* в конце предлогов *в*, *к*, с перед следующим *и* в некоторых древнерусских памятниках письменности (хотя в них такие написания и не обязательно регулярны, а иногда даже сосуществуют с противоречащими этой норме написаниями). Например:

а) *ки Ильинским задом* (куп. Тр.-Серг. м-ря, 1460 г., АСЭИ-390);

б) *ви их селе* (гр. угл. кн. Андрея Большого, 1467-74 гг., АСЭИ-365);

в) *ки иве, а на иве грань* при с *Ывашком* (моск. развез. гр., ок. 1474—75 гг., АСЭИ-425);

г) *си их землю* при сы его детьми (беж. развез. гр., 1499—1500 гг., АСЭИ-627).

Приписка *и* в конце предлогов в этих и других подобных случаях перед следующим *и* уже явно свидетельствует о регрессивном палатализирующем воздействии его на предшествующий твердый согласный соответствующего предлога.

*

*

*

Таким образом, и диалектные факты современного русского языка и показания памятников древнерусской письменности согласно свидетельствуют, что с падением редуцированных прогрессивный переход *и* в *ы* после твердого согласного в вышеуказанных позициях у восточных славян совершался не без отступления в пользу традиционного регрессивного принципа аккомодаций. И, значит, надо предполагать, что когда-то в данных позициях в древнерусском языке шла борьба между регрессивными и прогрессивными направлениями приспособления звуков друг к другу. А это можно считать доводом, укрепляющим

⁷ Р. И. Аванссов, Русское литературное произношение, Москва, 1954, стр. 78.

⁸ В этой же грамоте написано *въ* в сходной позиции. — перед *ѣ*: *въ Юрьев*.

предположение о иноязычном воздействии на прогрессивный переход *и > ы* в случаях типа под ызбой «под избой», *сымат'* «снимать», *нос ы рот* «нос и рот» и т. п.

Что же касается случаев, в которых переход *и > ы* задерживался, то надо отметить следующее:

а) Вышеуказанные факты, обнаруженные в памятниках XV—XVI вв., находятся в соответствии с тем, что наблюдал П. Я. Черных в Уложении 1649 года: *и* сохранялось в притяжательной форме *их* и после *к*⁹. И только в документах XVIII в. удалось обнаружить переход *и > ы* в притяжательном *их* после *с* (*с ых* — см. выше).

б) Однако по данным живых говоров надо считать, что переход *и > ы* задерживался (может быть, не повсеместно и в других условиях. Ср. вышеуказанные: *в' истомь*, *с'имат'*, *баран' издох* и т. п.

в) По-видимому, задержке перехода *и > ы* после предлога *к*, как и в диалектных случаях типа *воск' и м'от* «воск и мед» и *см'ех' и гр'ех* «смех и грех», способствовало древнерусское изменение исконных *гы*, *кы*, *хы* в *ги*, *ки*, *хи*. Но это, конечно, не было единственной причиной длительного сохранения *и* в анализируемых случаях и не противоречит высказанному предположению о борьбе регрессивной тенденции с прогрессивной в процессе *и > ы* после твердых согласных, так как этот процесс задерживался вовсе не только после заднеязычных согласных.

*

*

Условные сокращения в ссылках на памятники письменности:
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси. т. I, АН СССР, 1952 (цифра после сокращения обозначает № акта по данному изданию).

беж. — бежецкий.

гр. — грамота.

в. кн. — великий князь.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., АН СССР, 1950 (цифра после сокращения обозначает № акта по данному изданию).

кн. — князь.

рад. — радонежский.

костр. — костромской.

разъез. — разъезжая грамота.

кр. кн. — крепостная книга.

шех. — шехонский.

куп. — купчая грамота.

смол. — смоленский.

моск. — московский.

угл. — угличский.

новот. — новоторжский.

суд. сп. — судный список.

ск. — около.

твер. — тверской.

Тр.-Серг. м-рь — Троице-Сергиевский монастырь.

УА — Угличский архив (после этого сокращения указан архивный шифр документа).

⁹ П. Я. Черных, Язык Уложения 1649 г., АН СССР, 1953, стр. 216.